И мэру надо знать меру, или корабль пустыни с рогами

В начале 2002 года мэр Москвы Ю.М. Лужков обратился к Президенту Российской Федерации с предложением реанимировать отвергнутый за 15 лет до этого проект так называемой Сибирской переброски – по-научному перераспределения части стока реки Оби в бассейн Аральского моря. Теперь мэр выпустил книгу (Юрий Лужков. Вода и мир. М.: Московские учебники, 2008), посвященную этому проекту, некоторым смежным вопросам, а заодно и темам, не имеющим отношения к проблеме – если рассматривать её всерьёз.

Предложение о реанимации проекта, повторенное мэром после письма Президенту много раз устно и письменно, встретило, как и следовало ожидать, резкую критику с разных сторон и различных уровней компетентности. Были и совсем не подкрепленные аргументами крики протеста, чистый «пиар», как принято теперь говорить. Мэр сетует на это: «в СМИ произошел настоящий информационный взрыв. Его ударная волна поражала не глубиной аргументации – отнюдь. Вот лишь некоторые заголовки: “Лужков предлагает повернуть сибирские реки вспять”, “Лужков не знает, куда девать деньги”, “Поворот Лужкова”» (с. 58). Зря сетует: его собственная манера выдвигать и обосновывать предложения предрасполагает к таким реакциям.

Серьёзные основания сетовать – как раз у специалистов, возражавших мэру: их голоса почти не были слышны в той какофонии, которая, в самом деле, началась в СМИ. А три заголовка, приведенные мэром, конечно, не более чем журналистская мишура. К примеру, в предлагаемом разборе книги «Вода и мир» придётся порассуждать на тему, прямо противоположную объявленной в одном из этих заглавий. Эта тема – «Лужков не знает, где взять деньги».

Мэр пишет: «Необходимо, наконец, объективное и всестороннее сопоставление потерь и выгод. Это единственно позитивный подход». Да, здесь сформулирован императив, против которого, конечно, нельзя возразить. Однако, как мы надеемся показать, анализируемая книга совсем не соответствует этому императиву. Книга начинается, заканчивается, насыщена возвышенными рассуждениями о мире и человеке («Мир отражается в капле воды, человек – в деле, которому служит» – с. 5 и пр.), развале СССР, России и её роли в этом мире, и т.д. и т.п. Всё это производит впечатление пиаровской артподготовки, цель которой – настроить подсознание (может быть, и

сознание) читателя надлежащим образом. Каким именно? Очень просто: если вы не будете согласны с тем, что написано о переброске далее (или, применительно к заключению, ранее), то вы – не патриот, не думаете о пользе для Отечества, не хотите возродить величие России, не желаете помогать её геополитическим союзникам, более того – вы даже не эколог, а псевдоэколог. Именно так: «а может, радателям за идеалы экологии надо бояться не “поворота рек”, а, наоборот, отказа от идеи переброса?» (с. 71); в устных выступлениях мэра, случалось, называл этот отказ экологическим преступлением. Такой вот «переброс».

Красноречивую деталь можно найти на с. 18. «И вот вопрос: патриоты, либералы, государственники, социалисты, коммунисты, правые, левые – мы в России имеем или нет общие и высшие ценности?» Тон, каким задан этот вопрос, не оставляет сомнений: если бы у мэра была такая возможность, он ввёл бы «общие и высшие ценности» в России директивой. Идея, впрочем, не новая.

Возвышенные рассуждения мэра порой приобретают не то чтобы назойливый, скорее – надсадный характер. Слишком много патетики, выпренности, бьющих через край эмоций. Этот «переброс» митинговых и телевизионных приёмов в письменный (особенно – книжный) текст вряд ли способствует объективности и всесторонности анализа. На с. 27 мэра пишет: «Огромной ошибкой была бы в наше время реанимация политически-экологически-митингового отношения к идее переброса части стока северных рек». Именно такую ошибку он и совершает, если иметь в виду не позицию, а стиль и качество её защиты.

Воспроизведение плаката с изображением товарища Сталина на переплёте книги, конечно, не случайность. Мэр только позитивно вспоминает о советских реалиях, только негативно пишет о том, что произошло во время перестройки (вторая половина 1980-х годов) и в постперестроечный период (1990-е годы). При этом, бывает, грешит против истины. Например: «Когда в начале девяностых сначала опустели площади, а потом, одновременно с кошельками, и магазины...» (с. 8) – но магазины изрядно опустели в начале 1980-х, к концу десятилетия они опустели капитально, кошельки были полны купюрами, реальная покупательная способность была очень низка – именно по причине пустоты в магазинах. Невероятные деньги накапливались на счетах в сберкассах – нечего было купить, очереди на машину надо было ждать несколько лет, о жилье и говорить нечего. А в начале 1990-х стало наоборот.

Закончим цитату со с. 8: «когда не стало прежней страны, тогда, может быть, вернулся в воспалённое бедами сознание тот старый и главный вопрос: кого же победили? Кто победил?» На мой взгляд, в данном случае главный вопрос – кто проиграл? Проиграла советская социальная система, которая, несмотря на многочисленные и весьма серьёзные достоинства, оказалась неконкурентоспособной, так что её поражение – не результат чьих-то ошибок в 1980-е, 1970-е или 1960-е годы (хотя всяческих ошибок было через край), но предопределено исторически. Сейчас нет возможности углубляться в эту тему (свою точку зрения я подробно высказал в двух книгах: Бегство к рынку. М.: Дело, 1991; Бегство к рынку: десять лет спустя. М.: МНЭПУ, 2001), так как главный предмет анализа – проект Сибирской переброски и сопряжённые проблемы. (В соответствии с традицией, сложившейся у противников «поворота в 1980-е годы, проект перераспределения стока Оби в регион Арала будем называть Сибирской переброской; Северной переброской в те годы именовали проект перераспределения стока Северной Двины и Печоры в регион Каспия.)

В книге изложены различные факты и соображения, касающиеся истории проекта и истории России в новейшее время. Нередко – с искажениями и преувеличениями. На с. 9 читаем: «реформируемому и враз до позора обедневшему государству стало не до экологии. Постановление по закрытию работ помогло “закрыть” СССР – экологи свободны». В августе 1986 года до «закрытия СССР» было еще очень далеко – не по времени, а по тем сдвигам, которые должны были произойти в общественном сознании, а в тот момент ещё только начинались. Когда всерьёз встал вопрос о «закрытии СССР», все, кто этим занимался, начисто забыли и о «перебросе», и о его закрытии. Мэр и сам пишет об этом, понимает, что допустил перебор, но вычеркнуть красивые слова – рука не поднимается. «Между тем, как ясно видно сейчас, связь между этими несоизмеримыми по масштабу событиями всё же была, как есть связь между маленьким притоком и могучей, принимающей его рекой» (с. 9). Оно, в некотором роде, так, вот только впадение одного маленького притока в могучую реку – событие в жизни притока, но отнюдь не реки. А государству нашему всегда «не до экологии», хотя иногда оно использует ее для неэкологических целей – например пиара или чтобы сделать хорошую мину при плохой игре и т.п.

Мэра очень беспокоит вопрос: как же все-таки случилось, что проект в 1986 году был отвергнут? Какая злая сила вынудила руководство страны принять решение о

прекращении всех работ? Из предыдущего следует, что этой силой были экологи, и единственный пункт, где для мэра, видимо, ещё остаются сомнения, – как квалифицировать этих экологов (или псевдоэкологов)? Как общественность? Или как группу заговорщиков, воспользовавшихся моментом, чтобы загубить доброе дело? Слово «общественность» не раз используется для наименования этой силы (с. 9, 12) или фактически имеется в виду (с. 17, где цитируется Р. Баландин). Но тут же мэр и спохватывается: «В постановлении они (экологи и стоявшие на их стороне журналисты. – В. Д.-Д.) были даже названы “широкими кругами общественности”. Не совсем верно, но то, что работа экологов была на виду, это отрицать не станем» (с. 11). Дальше ещё определённое: «Либеральная интеллигенция (а не общественность в целом) возненавидела проект переброски части стока северных рек как один из мегапроектов Советского государства» (с. 13). А на с. 47 говорится уже о «недобросовестно сформированном общественном мнении».

В том же абзаце на с. 13 утверждается, что «этим (либералам. – В. Д.-Д.) не нужны ни космос, ...ни фундаментальная наука». Пусть мэр думает о либеральной интеллигенции все что угодно, нас удивляет совсем другое: оказывается ему, в противоположность либералам, нужна фундаментальная наука. Занимаются ею в нашей стране, как известно, прежде всего в Российской академии наук, где имеется пять институтов, специализирующихся на водных проблемах. Почему же мэр не заручился поддержкой хотя бы одного сотрудника из этих институтов? Видимо, его фундаментальная наука прописана в каких-то других академиях.

Справедливости ради надо сказать, что институты АН СССР в 1970-е – начале 1980-х годов принимали активное участие в исследованиях, связанных с проектами Северной и Сибирской перебросок. Эти исследования много дали отечественной гидрологии, гидрогеологии и экологии. И, действительно, под различными документами и материалами, относящимися к проектам перебросок, «стоят подписи крупных учёных и экспертов, которые этой проблемой занимались» (с. 40). Но отсюда вовсе не следует, что противостояли проекту люди некомпетентные. Не так оценивает их мэр: «Противостоят им – подписи тех, кто не работал, не считал, не видел, легко мог перепутать Каракумы с Кызылкумами, бидяк с буераком, такыр с тарыном». Или: «На самом деле, убеждён в этом и повторяю: произошло поругание профессионализма, победное шествие дилетантов...» (с. 35).

На разных обсуждениях я не раз слышал от мэра примерно эти слова. Я отвечал ему и на совещании в мэрии Москвы, созванном в апреле 2003 года по его инициативе и посвящённом переброске, и в печати – не раз, начиная с того же 2003 года. Либо мои (конечно, не только мои) слова не были им услышаны, прочитаны, доложены ему помощниками. Тогда у него очень плохие помощники. Либо мэр не хочет воспринимать то, что ему говорят и пишут.

Не вините меня за резкость, цитированные слова мэра – не раз повторённое прямое оскорбление выдающихся деятелей российской науки. Я назову только трёх, увы, их уже нет с нами: вице-президент АН СССР академик Александр Леонидович Яншин, академик Тигран Сергеевич Хачатуров, член-корреспондент РАН Никита Фёдорович Глазовский – самых порядочных людей из всех, кого мне довелось встретить на своём веку, самых квалифицированных и, к тому же, подлинных, неподдельных, искренних патриотов (естественно, не кричавших на каждом перекрёстке о своём патриотизме).. Кто из них «не работал, не считал, не видел, легко мог перепутать Каракумы с Кызылкумами, бидяк с буераком, такыр с тарыном»? Кто из них был дилетантом в проблематике проекта переброски? Стыдно за тех, кто бросает камни в этих людей и клеветает на них. В конце концов, и мэр обязан знать меру.

Поскольку мэр костерит не только деятелей науки, но также журналистов и писателей, стоит вспомнить об одном из них – Сергее Павловиче Залыгине. В отличие от кандидата химических наук Ю.М. Лужкова, он был кандидатом технических наук по специальности «гидромелиорация». Вроде бы, и хватит об этом, но, всё же, ещё одна цитата: «Противникам же проекта требуется не считать себя спасителями народа, а ощутить хотя бы ответственность за то, что, убрав учёных, открыли дорогу такому бесконтрольному предпринимательству и истреблению сибирской природы и ресурсов, рядом с которым прежние экологические опасения кажутся просто мелочью» (с. 42–43). Что здесь можно сказать? О каких «убранных» учёных идёт речь? «Маленький приток» повернул вспять «могучую реку»? Смешались в кучу кони, люди, и холостые залпы тысячи орудий... В своём желании повесить на противников переброски все смертные грехи и несчастья истинный «спаситель народа» московский мэр явно теряет чувство меры.

Но вернёмся к причинам, побудившим ЦК КПСС и Совет Министров СССР принять в августе 1986 года решение о прекращении работ по Северной и Сибирской

переброскам. Я уверен (хотя допускаю возможность и других точек зрения), что главной причиной было отсутствие средств в бюджете на реализацию проекта. Какие только программы не провалились к этому времени с треском! Все попытки реформирования не дали ничего. С каждым годом росла доля импортируемого продовольствия. А тут ещё рухнули цены на нефть – главный источник валютных поступлений. Вдобавок ко всему рвануло в Чернобыле. Только совсем наивные люди не понимали в 1986 году, что советская экономика больна. А те, кто стоял поближе к кормилу управления, начали подозревать, что болезнь неизлечима. Но не могла же советская власть сказать народу, что у неё нет денег на строительство канала! Вот тут-то и пригодилась экология, она помогла сохранить хорошую мину при очень плохой игре: ЦК пошёл навстречу «широким кругам общественности».

Иное мнение высказано в книге. На с. 47–48 названо две причины: во-первых, «слабость и нерешительность власти, которой противостояла сила недобросовестно сформированного общественного мнения, в первую очередь, псевдопатриотами и псевдоэкологами», во-вторых, «Затраты на проект подсчитывались теми, кто должен был получить эти средства для реализации проекта, и потому были завышены, тогда как бесспорных количественных оценок положительных результатов его сторонники привести не могли». С этими трактовками нельзя согласиться. В 1986 власть была не настолько слаба, чтобы отклонить «проходной» и активно лоббируемый проект потому, что против него возражает общественное мнение. А сослаться на общественность, отклоняя непроходной проект, – самое милое дело даже для очень сильной власти. Что же касается экономики, то всё обстояло как раз наоборот, чем описывает мэр.

Никогда затраты на реализацию проекта при советской власти намеренно не завышались. Надо было попасть в титульный список – перечень финансируемых мероприятий, а для этого затраты (как требуемые капитальные, так и ожидаемые текущие), наоборот, всегда занижались, а к ожидаемым результатам приписывались подчас фантастические добавления. Как раз в те годы я специально занимался оценками точности информации, использовавшейся в инвестиционных проектах при расчётах приведённых затрат и эффективности капитальных вложений (см. статью: Данилов-Данильян В.И., Рывкин А.А. Некоторые методологические проблемы экономики научно-технического прогресса // Экономика и математические методы. Т. 20, вып. 6. 1984); о степени соответствия проектных заявок фактам можно прочесть в статье тогдашнего зам.

Председателя Госплана СССР (Бачурин А. Курс на интенсификацию и эффективность капитальных вложений // Плановое хозяйство. № 3. 1983).

Как современно звучат сегодня эти заглавия! Фактически структура реального сектора нашей экономики почти не сдвинулась с места за 25 лет, в том числе и потому, что многие у нас думают не об интенсификации, инновациях и НТП (хотя и произносят эти слова как заклинания), а о каналостроении и торговле ресурсами.

О том, что затраты на реализацию проектов в СССР занижаются, знали абсолютно все, кто хотя бы как-нибудь соприкасался с инвестиционным проектированием. Оказывается, московский мэр не знал. Может быть, советские порядки потому и нравятся ему, что он был очень далёк от экономических реалий советской жизни? Однако в его книге имеются приписки вполне советского свойства, например, на с. 24 мэр пишет, что Россия занимает «седьмую часть суши». На самом деле, между 1/8 и 1/9 (проверьте: площадь земной суши 149,1 млн кв. км, России – 17,1 млн кв. км).

Проект Сибирской переброски отнюдь не был исключением, наоборот, понимая экстраординарность требуемых затрат, проектировщики всеми правдами и неправдами старались их занизить. Это и констатировала экспертная подкомиссия Госплана СССР 20 сентября 1982 года, в экспертном заключении (п. III.23) отмечено: «Поскольку в указанных материалах (т.е. представленном на экспертизу проекте. – В. Д.-Д.) по пусковому комплексу не учтены замечания экспертизы по ТЭО I очереди переброски, определенную в них расчетную стоимость следует считать заниженной примерно в 2 раза». На обсуждении этого заключения эксперты Госплана СССР утверждали, что общие капитальные затраты на сооружение главного канала занижены не менее чем 2,5 раза. Так чему верить: заключению экспертизы Госплана от 1982 года или словам московского мэра, написанным о том же проекте 26 лет спустя?

Повторю ещё раз: подлинная причина постановления 1886 года – экономическая, понимание нереализуемости проекта. Сопровождавшие принятие этого постановления разговоры об экологии, оппозиции и пр. – не более чем политические игры, желание и умение извлечь хотя бы какие-то результаты – политические! – из экономической слабости.

Можно прикинуть, во что обошлось бы строительство в наши дни. На с. 59 приведены данные в ценах 1982 года, соответственно проекту, в миллиардах рублей: 13,8

– главный канал. 11,6 – оросительные системы, 7,2 – новые сельскохозяйственные предприятия, всего – 32,6 млрд руб. Ограничимся главным каналом, затраты на сооружение которого в твёрдой валюте по проекту оценивались, следовательно, в 23 млрд долларов. Эту величину в соответствии с заключением экспертной подкомиссии Госплана надо умножить на 2, получаем 46 млрд долларов. Экономисты очень затрудняются с оценкой коэффициента инфляции доллара за прошедшие четверть века (о советских рублях и говорить нечего, поэтому и пришлось воспользоваться долларовой измерением), самое малое из используемых значений дефлятора – 3,8 (при расчётах всегда будем округлять и выбирать одно из нескольких значений в пользу мэра), получаем $46 \cdot 3,8 = 174,8$ (млрд долларов). Это ещё не всё: строительные работы, особенно на линейных сооружениях, и тяжёлая строительная техника, используемая в каналостроении, дорожали с темпом, существенно превышающим темп инфляции, минимальная поправка на 2008 год – коэффициент 1,5; кроме того, таким же коэффициентом (по минимуму) оценивается удорожание подобных работ, обусловленное ужесточением экологических требований. Окончательно получаем: $174,8 \cdot 1,5 \cdot 1,5 \cdot 393$ (млрд долларов). Отметим, что за такие деньги можно освоить примерно 20 крупных нефтегазовых месторождений на шельфе наших полярных и восточных морей (пока толком освоено только одно).

Эти расчёты произведены, так сказать, по международным рецептам, российскую специфику они не учитывают. Соответствующие коэффициенты для российских условий не оценивались. Однако представление о нашей специфике можно получить косвенно, по аналогии с другими проектами. 15 лет назад, когда строилась МКАД, затраты на 1 км этой дороги оценивались в 1 млн долларов. Сейчас в Москве проектируется 4-е автомобильное кольцо, дорога такого же класса, что и МКАД. В мае прошедшего года в СМИ промелькнули сообщения, что затраты только на производство строительных работ (без издержек, связанных с выкупом земли, обеспечением жильём тех, чьи дома подлежат сносу в связи со строительством дороги, и т.п.) в расчёте на 1 км составят на 4-м кольце... 800 млн долларов. Комментарии излишни.

Но возьмём щадящую оценку – около 393 млрд долларов на строительство главного канала. По первоначальным расчётам общих инвестиций требовалось в 2,3 раза больше. Где взять триллион долларов? Ничего внятного на этот счёт ни разу сказано не было. Понятно, что из нагромождения слов «сотрудничество», «геополитика», «консорциум», «национальные интересы» и т.п. доллары не выскакивают, во всяком

случае, сотнями миллиардов. В Узбекистане денег нет совсем. В Казахстане какие-то могут быть, но это капля в море в сравнении с затратами на канал. Киргизии и Таджикистану эта затея в принципе не нужна, там своей воды – с избытком, а денег, впрочем, тоже нет совсем. Туркмении переброска абсолютно ничего не даёт. Даже если забыть о том, что на дворе – глобальный финансовый кризис, в мире никто не стал бы вкладывать средства в такой проект. Сколько-нибудь значительного (не забывайте, что окупить надо триллион долларов) экспорта сельхозпродукции из Центральной Азии ожидать не приходится. Мэр сам пишет, причём совершенно правильно, что развитым странам наше активное участие в делах Центральной Азии ни к чему. Уже этого достаточно, чтобы поиск денег на переброску там, где они есть (т.е. в развитых странах), признать делом безнадёжным. Не обсуждая вопрос о том, имеются ли деньги у России, отметим, что заведомо найдётся множество других способов потратить 400 млрд долларов с гораздо большей пользой для Отечества.

Мэр уповает на то, что затраты на строительство можно снизить в сравнении с первоначальными оценками благодаря научно-техническому прогрессу. «Сегодня изобретены такие технологии, которые при небольшой доработке могут позволить транспортировку воды с минимальными потерями по пути, а значит, избежать испарения, фильтрации, разрушения ландшафта и других неблагоприятных экологических последствий» (с. 130). Что за технологии? Пожалуйста: «Это может быть канал с суперсовременными противофильтрационными покрытиями, может быть трубопровод. Возможен комбинированный вариант: часть трассы – канал, другая часть – труба. Трубы уже сегодня делают шестиметровыми в диаметре, они могут быть железобетонными, чугунными, а лучше всего – пластиковыми. Такой и даже меньший диаметры позволяют осуществить без потерь планируемый теоретически переброс. Причём всё это может оказаться совсем не так дорого, как двадцать лет назад» (с. 130-131). Всё это отдаёт масштабами городской канализации. Потому что если эти идеи приложить к масштабам «переброса», то получается полная нелепость.

Прежде всего отметим, что трубы, в том числе пластиковые, тем более – железобетонные, а особенно – чугунные изобретены далеко не сегодня. Об использовании для транспортировок чего бы то ни было труб диаметром более 4000 мм пока не приходилось слышать, но поверим мэру, что они существуют. Однако попробуем

практически представить, как такие трубы «позволяют осуществить без потерь планируемый теоретически переброс».

Напомним, что речь идёт о канале шириной 200 м и глубиной 16 м (эти данные приведены и в книге, см. с. 50). Поинтересуемся площадью сечения канала. Допустим, что оно представляет собой равнобедренный треугольник с основанием 200 м и высотой 16 м, его площадь равна 1600 м². (На самом деле, трапеция с большим основанием в 200 м и высотой 16 м гораздо лучше описывает форму сечения, ее площадь больше, чем нашего треугольника, но мы, как всегда, округляем в пользу мэра.) Площадь сечения (нетто) трубы диаметром 6 м менее 30 м². Таким образом, для того чтобы загнать канал в шестиметровые трубы мэра, из них надо устроить по крайней мере 53 «нитки», длина канала – 2550 км. Поскольку с трубами при эксплуатации случаются различные неприятности, их надо укладывать так, чтобы был обеспечен доступ к каждому месту каждой из них; для этого расстояние между соседними нитками должно быть примерно 5 м. Для такого трубопровода, следовательно, потребуется полоса шириной порядка 600 м. Ничего, земли у нас много.

Неизвестно, каковы прочностные характеристики материалов, которые благодаря научно-техническому прогрессу мэр предполагает использовать для труб шестиметрового диаметра. Поэтому применить сопромат для расчёта толщины стенок оных труб, увы, не можем. Но, похоже, если иметь в виду чугунные трубы, то чёрная металлургия мира не выплавит такого количества чугуна и за десяток лет. В какую копеечку обойдутся даже железобетонные трубы (о пластиковых и говорить нечего) никто из помощников мэра, конечно, не считал. Да, пожалуй, после приведённых выше упражнений в элементарной геометрии уже не требуется.

«Возможен комбинированный вариант: часть трассы – канал, другая часть – труба». Антон Павлович Чехов говорил, что на свете всё возможно, только вот без денег жить невозможно. Очевидно, что вставка кусков трубопровода вместо канала с земляным руслом в трассу «переброса» так удорожает строительство, что остаётся только Чехова вспоминать. «Разлить» поступающую из канала воду в 53 трубы – уже проблема. Не забудем, что для доступа ремонтной техники через определённые интервалы по трассе трубопровода нужно делать специальные эстакады со съездами в каждый «межтрубный» промежуток. Места в обском бассейне холодные, вода будет замерзать, рвать трубы...

Практически вряд ли удастся «осуществить без потерь планируемый теоретически переброс». Финансовые потери будут астрономическими.

Видимо, какие-то сомнения насчёт «планируемого теоретически переброса» зародились и у мэра. В самом деле, первые 130 страниц книги исписаны лозунгами о великих стройках, абсолютно необходимых для возрождения России, для утверждения национальной идеи, консолидации общества и пр., утверждениями о том, что все эти цели будут достигнуты только тогда, когда будет построен канал в забором 27,2 куб. км воды в год (и даже отмечено, что этот объём – ничего особенного, кто-то ведь планирует, видимо, теоретически, в шесть с половиной раз больше). Ошарашенный читатель запуган (не без оснований!) пыльно-солевыми бурями, приносимыми в регионы России с усыхающего Арала и прочими ужасами. И вдруг на с. 131–133 оказывается, что мэр готов ограничиться водоснабжением жителей Астаны посредством строительства водопровода на 4 куб. км воды в год. Конечно, тоже немало, но величие все-таки пропало. Сказано, что эта не очень великая стройка может – если подтвердятся лучшие ожидания – стать первой очередью великого «переброса». Допустим, что подтвердятся (такая ненаучная гипотеза допустима, если речь идет не о реальной жизни, а о книге «Вода и мир»). Что делать потом для развития идеи: увеличивать количество труб в 6,75 раз или построить вдоль них открытый канал в земляном русле на 23 куб. км в год длиной в 25 тысяч километров? В обоих случаях враги наши обхохотались бы и поняли, что бороться против России, если она последует предписаниям мэра, – занятие ненужное, сама себя погубит.

Анализируя текст книги «Вода и мир», приходишь к выводу, что у мэра отношение к экономике проекта в известном смысле двойственное. С одной стороны, он старается убедить читателя в абсолютной ценности «переброса», представляет проект как символ величия, вроде пирамиды Хеопса, и ничего не должно быть жалко для материализации символа в чугуне, железобетоне, пластике и земляном русле. С другой стороны, в нём говорит деятельный бизнесмен, который настойчиво ищет экономическое оправдание проекта, что противоречит исходному представлению о его абсолютной ценности. Похоже, что мэр ощущает от этого некое неудобство: как-то неловко, в конце концов, торговаться с мастеровым, которому заказываешь сделать знамя.

В основе экономических аргументов мэра лежит представление о том, что вода как сырьевой продукт по экономической сути не отличается от других сырьевых продуктов, например нефти. С полной ясностью эта мысль сформулирована им в письме Президенту

Российской Федерации в 2002 году: «для нынешнего столетия будет характерна продажа пресной воды на мировом рынке в объёмах, сравнимых с объёмами продажи нефти» (с. 46–47). Возможно ли это?

Россия – страна, средняя по водоёмкости ВВП (поскольку, с одной стороны, вода расходуется крайне неэкономно, но, с другой стороны, довольно слабо развито орошаемое земледелие, а главным водопотребителем в мировой экономике является именно оно); из природных источников у нас забирают около 80 куб. км воды в год, по весу – 80 млрд т (все это для внутренних нужд). Нефти, значительную часть которой мы экспортируем, в стране даже при самых благоприятных обстоятельствах будет добываться не более 500 млн т, т.е. в 160 раз меньше. Совсем другие масштабы! Современная цивилизация потребляет воды больше, чем всех остальных ресурсов, вместе взятых, включая перемещаемые при их разработке вскрышные и вмещающие породы и пр. Объёмы потребления воды, тем более – объёмы её продаж на мировом рынке в принципе не могут быть сравнимы с объёмами потребления и, соответственно, продаж нефти, разница здесь всегда будет не менее чем в два порядка!

Но дело не только в «абсолютных» объёмах потребления. Вода не обладает такой универсальной транспортабельностью, как нефть, другие минеральные ресурсы, лес, продукция обрабатывающих отраслей и продовольствие (за редкими исключениями быстропортящихся продуктов). Перемещение воды, как правило, обходится сравнительно дёшево в пределах одного бассейна. (Под бассейном здесь и далее понимается, грубо говоря, водосборная площадь реки, впадающей в Мировой океан либо в бессточный водоём, хотя термин «бассейн» в аналогичном смысле нередко используется и применительно к притокам.) Однако при пересечении границы бассейна, т.е. в случае преодоления водораздела между двумя бассейнами, затраты на перемещение воды почти всегда претерпевают резкий скачок. Это обстоятельство в сопоставлении с объёмами потребностей в воде поливного земледелия и промышленности является радикальным препятствием для развития глобального рынка воды, наподобие рынка нефти. Рынки воды, за редкими специфическими исключениями, являются и останутся бассейновыми.

Мэр, по-видимому, не различает внутрибассейновую транспортировку воды и межбассейновую переброску. В упоминавшемся письме Президенту Российской Федерации он называет межбассейновой переброской (см. с. 56) «снабжение волжской водой Москвы-реки и водозаборных систем Москвы через канал имени Москвы», хотя

весь Московский регион принадлежит Волжскому бассейну. Эта путаница – причина сообщений о том, что «в Советском Союзе 60 куб. км пресной воды перебрасывалось из других бассейнов» (с. 129), что в мире «к настоящему времени... объём перебросок – до 400 куб. км в год» (с. 134).

Вода как сырьевой ресурс используется в трёх направлениях: питьевом, хозяйственно-бытовом (помимо питьевой воды) и производственном. В России практически всё централизованное водоснабжение в городах и посёлках устроено так, что первые два направления объединены, в водопровод подаётся вода, используемая как питьевая и для бытовых нужд. Экономика этих трёх направлений существенно различна.

Питьевая вода всё в б?льших объёмах бутилируется и перевозится на весьма значительные расстояния. Однако эти объёмы составляют ничтожную часть в общем водопотреблении. Естественно, питьевое водоснабжение всегда и везде является приоритетным. Затраты на питьевую воду могут быть очень высоки, лишь бы население согласилось и было способно нести эти расходы – в прямой (как плату за воду) или косвенной (через налоги и пр.) форме.

Второе направление в регионах, располагающих достаточными ресурсами поверхностных либо подземных пресных вод, обеспечивается за счет эксплуатации этих ресурсов; в вододефицитных регионах растёт использование опреснения морской либо минерализованной подземной воды. Кстати, представления мэра о затратах на опреснение сильно отстали от реальности, он пишет: «стоит такой процесс дорого – от 2,4 до 4,5 долл. за куб. м (с. 90); на самом деле опреснение морской воды на крупных современных заводах, например в Барселоне, обходится в 60 центов за кубометр. Впрочем, на с. 85 мэра и вовсе пишет, что морская вода «абсолютно непригодна для употребления»!?

Однако производственное потребление воды (в промышленности и сельском хозяйстве) осуществлялось и будет осуществляться впредь по преимуществу из пресных поверхностных или подземных источников того бассейна, где расположен потребитель; исключения могут иметь существенное значение в региональных масштабах, но не меняют глобальной картины. Потребление воды в промышленном и сельскохозяйственном производстве, как и любого другого ресурса либо продукта, диктуется законами рынка, оно должно соответствовать конкурентоспособности продукта.

В книге три названные направления водопотребления не различаются, и это приводит к грубым экономическим ошибкам, недопустимому распространению данных об одном направлении водопотребления на другие, неадекватным суждениям как о физических объёмах водопотребления, так и о ценовых соотношениях (о географических и прочих мелочах и не говорим). Вот типичный пример: «Центральная Азия – регион, удалённый от моря, и не может решать водный вопрос ни как европейцы, которые думают транспортировать айсберги для пополнения запасов пресной воды, ни как страны Персидского залива, которые строят установки для опреснения морской» (с. 118). Неужто кто-то в Европе думает орошать поля водой из айсбергов?

С учётом объёмов потребления воды в современном производстве и отмеченных особенностей затрат на её транспортировку крупномасштабные межбассейновые переброски, как правило, оказываются невыгодными, а чаще всего – разорительными. Не надо стремиться посредством межбассейновых перебросок «устранить» неравномерность распределения водных ресурсов по территории, надо приспособиться к ней. Это предполагает, во-первых, эффективное, экономное использование воды, особенно в вододефицитных регионах, во-вторых, усиленные меры по охране водных ресурсов от истощения и загрязнения и, в-третьих, развитие торговли водоёмкой продукцией – той, которую не удаётся производить без значительных затрат воды. Бессмысленно перемещать воду, если экономически эффективнее перевозить водоёмкую продукцию. Не следует поддерживать и, тем более, развивать водоёмкое производство там, где не хватает воды (подчас даже питьевой), вся история развития мировой экономики, в конце концов, – это история сдвигов в размещении хозяйства в соответствии с изменениями географии спроса, ресурсобеспечения, техническим прогрессом. Мэр, однако, ни о чём, кроме «переброса», слышать не хочет.

Впрочем, какие-то отдельные слова из этих рассуждений всё же залетели в книгу «Вода и мир», но остались в ней инородными элементами. Вот на с. 97 мэр вдруг пишет: «Вода и водоемкая продукция направляются к тем, кто в ней (в них? – В.Д.-Д.) нуждается», однако имеет в виду не то, о чём говорилось в предыдущем абзаце. А именно, воду, как обычно, он имеет в виду поставлять из России в Центральную Азию, а водоёмкую продукцию – из Центральной Азии в Россию. Опять нам уготована роль сырьевого придатка. Даже интересно, почему мэр не хочет рассматривать возможность производства водоёмкой продукции (пусть другой, но пользующейся спросом на мировом

рынке) у нас, там, где есть вода, вместо того, чтобы гнать её как сырьё (неизбежно даровое, как ясно каждому объективному наблюдателю) за 2550 км в чужие края?

А вот на с. 94 приведены данные о водоёмкости ВВП в России, Швеции и Белоруссии. Между прочим, это цитата из статьи: В.И. Данилов-Данильян. Вода – стратегический фактор развития экономики России // Вестник РАН. 2007. Т. 77, № 2, С. 108–114. Претензий по поводу цитирования без ссылки на источник не имею, у меня не убудет. Но почему же, будучи знакомы с этой статьёй (что доказывается фактом цитирования из неё), мэр или его помощники ни словом не обмолвились о той критике проекта Сибирской переброски и вообще идеи широкой торговли водой на мировом рынке, которая содержится в этой статье? На с. 97 есть крайне редко встречающееся словосочетание «постнефтяной период». Тоже интересно: сами придумали или позаимствовали? Если второе, то откуда? Не из только что упомянутой статьи в Вестнике РАН?

Выше отмечалось двойственное отношение мэра к экономике проекта «переброса». Столь же двойственно, непоследовательно, противоречиво пишет он и об экологии. В наши дни отрицать необходимость охраны окружающей среды может только тот, кто сознательно старается поставить себя вне общества, играет в маргинала-эксцентрика. Эта мелкая скандальная роль не для московского мэра, поэтому он пытается говорить об экологии позитивно, даже противопоставлять себя вместе с настоящими экологами неким «антиэкологам», которые на поверку как раз и оказываются, в отличие от мэра, настоящими.

Начинает экологическую тему мэр, как и все другие темы, очень торжественно, *maestoso*: «Человек приходит в этот мир, чтобы беречь и совершенствовать его». Он признаёт, что один из наших национальных интересов – «толково, бережно к природе (и это необходимое и неотменимое экологическое условие) распорядиться грандиозным богатством страны – пресной водой» (с. 25). На этой же странице мэр рассуждает о воспроизводимости природных ресурсов – «Зачерпнув ведро воды из колодца, мы колодец не сгубили».

Именно экологи обратили внимание на то, что попытки «совершенствовать» слишком часто приводят к результатам, несовместимым с «беречь». Для того чтобы беречь и, тем более, совершенствовать, необходимо вооружиться естественнонаучным знанием об этом мире. В этом знании есть два принципиальных положения: о том, что

биосфера всегда стремится к равновесию (экологическому), отклонения от которого вызываются возмущающими воздействиями, и о том, что работа по поддержанию равновесия и поиску нового равновесия имеет регулятивный характер и не может выполняться без участия системы живых организмов, биоты. Для псевдоэкологических текстов характерно, прежде всего, непонимание, игнорирование этих базовых положений экологии. Именно так обстоит дело и в книге «Вода и мир».

Приведём в обоснование этого утверждения обширную цитату: «Люди всегда приспособливали среду обитания к своим нуждам. А уж перераспределение стоков осуществлялось издревле и непрерывно. Никакого абсолютного знания последствий при том, разумеется, не было. Но всегда всё выравнивалось. Ведь природа поразительно адаптивна. Уже через сравнительно небольшой промежуток времени оказывалось, что среда приспособилась к новым условиям» (с. 129). Как хотелось бы, однако, чтобы «всё выравнивалось» в бассейне Арала, чтобы природа вылечила злокачественную язву, нанесённую именно «перераспределением стоков»! Однако до сих пор не произошло желанной адаптации Арала к тем экологическим преступлениям, которые там были совершены! Где же «поразительная адаптивность» природы в данном конкретном случае?

А это ведь не какой-нибудь второстепенный и несущественный прецедент, это – главная забота нашего мэра! Почему же он не хочет ждать «сравнительно небольшого промежутка времени», который, как он говорит, нужен, чтобы «среда приспособилась к новым условиям»? Похоже, что прошло уже несколько «сравнительно небольших промежутков времени», а удовлетворяющего мэра приспособления всё нет! Предлагается потратить сотни миллиардов долларов ради насильственного «приспособления» без всяких гарантий, что в очередной раз мы не столкнёмся с «нанесением вреда посредством причинения пользы», как шутили в советские времена в аналогичных случаях. Природа, конечно, адаптивна, но не беспредельно! И как раз судьба Арала показывает, что новое равновесие, которое она вынуждена искать в результате чрезмерных антропогенных воздействий, может оказаться совершенно неподходящим для человека!

Цитированное «Но всегда всё выравнивалось» настолько противоречит всему, что творится в Центральной Азии, что просто теряешься в попытках объяснить феномен появления этого утверждения в книге. А ведь Арал, Сарыкамышская впадина, окрестности Большого Каракумского канала им. В.И. Ленина – далеко не единственные примеры, когда ничто «не выравнивалось» так, как надо человеку, обусловившему своими

деяниями крайнюю желательность этого «выравнивания». И гибель древних цивилизаций Месопотамии из-за неизбежных тогда ошибок в ирригации, и вторичное засоление земель Карфагена, повлекшее военные поражения и угасание этого государства (видимо, явившееся одним из последних этапов истории антропогенного образования Сахары), и уничтожение крымских лесов вместе с перевыпасом скота на освобождаемых из-под леса землях, из-за чего полуостров стал почти обезвоженным, и вырубка японцами северосахалинских лесов, которым, казалось бы, никто после бегства японцев с острова в середине 1920-х годов не мешал восстановиться, – однако образовалась антропогенная тундра... В состоянии ли противостоящий «псевдоэкологам» мэр Москвы усвоить эти уроки?

Мэр вполне адекватно, хотя и кратко рисует картину экологической катастрофы, постигшей Арал, вспоминает слова Президента Казахстана Н. Назарбаева о том, что высыхание Арала – это «планетарный кризис». Что же он предлагает сделать хотя бы для смягчения этого кризиса? Ничего! На протяжении всей книги мэр как бы борется за Арал, собирается спасти регионы России от пыльно-солевых бурь, возникающих в результате усыхания Арала, например: «Разве не лучше было бы для России, если бы с южными ветрами в Западную Сибирь и на Южный Урал приходили не пыль и соль, а испарения воды, подчёркиваю – воды, с зеркала Аральского моря?» (с. 71). Лучше-то оно лучше (для Южного Урала), но давайте посмотрим на схему распределения 27,2 куб. км воды, которая ежегодно будет забираться из Оби для эпохального «переброса». Она приведена на с. 51

областям России на начальном участке трассы канала –	4,9	куб. км;
Северному Казахстану –	3,4	куб. км;
на подпитку рек Сырдарьи и Амударьи –	16,3	куб. км;
в том числе Узбекистану –	10	куб. км.
Всего –	24,3	куб. км (нетто);
2,9	куб. км	(12%) – потери.

Площадь орошаемых земель, которая может быть на этой воде дополнительно освоена:

в областях России –	1,5	млн га;
в Центральной Азии –	2,0	млн га».

Очевидно, что Аралу не достанется ничего. Даже в этой схеме, взятой из проекта, в Арал попала бы только некая часть тех 6,3 куб. км, которые остаются от «подпитки рек Сырдарьи и Амударьи» за вычетом 10 куб. км для Узбекистана. С тех пор население этой республики росло быстрее, чем ожидалось, характер водопользования совершенно не

изменился, подача дополнительной воды, как известно, укрепляет ориентацию на её экстенсивное использование, так что «подпитку», коль скоро она была бы осуществлена, всю разобрали бы на орошение и иные нужды. Между тем, как показали расчёты академика М.Г. Хубларяна и профессора В.И. Найдёнова из Института водных проблем РАН, для того чтобы вместо усыхания Арала начался процесс его восстановления, необходимо, чтобы в него поступало не менее 40 куб. км воды в год. Все неправдоподобные рассуждения мэра о поэтапной реализации «переброса», разумеется, оставляют Аралу не больше 0 куб. км. Лучше бы мэр не вспоминал о пыльно-солевых бурях, тогда не было бы кричащего противоречия между декларативными заявлениями по поводу проекта и его содержанием (по крайней мере, в этом пункте).

Все эти противоречия – результат неосведомлённости, непогружённости в тематику. Об этом говорят и всевозможные ошибки, которые местами не то, чтобы рассыпаны, – буквально насыпаны на страницы книги. Вот с. 28, начинающая главу «История вопроса», но посвященная естественнонаучным аспектам. Мэр пишет: «Вода, которая конденсируется в горах, течёт, набирая температуру, в Северный Ледовитый океан и обогревает его». Во-первых, вода в горах не конденсируется, а выпадает осадками. Во-вторых, если в Северном полушарии движение происходит в северном направлении, то с «набором температуры» надо поосторожнее – не всё так просто. В-третьих, для теплового баланса Северного Ледовитого океана приносимое реками тепло несущественно, чего нельзя сказать о заливах и, особенно, губах (где они есть) северных рек, но здесь оно очень полезно для судоходства. В-четвёртых, ледниковое питание для северных рек малозначимо либо вовсе не имеет места, основное питание здесь – снеговое, за ним следуют дождевое (в тёплый сезон) и подземное, а уж потом – горно-ледниковое (если имеется).

Дальше на той же с. 28 мэр приступает к запугиванию читателя: «Полярная ледниковая шапка тает... Уже написаны весьма правдоподобные и научно обоснованные сценарии затопления прибрежных территорий десятков стран». Сценарии-то написаны, да только причина подъёма уровня Мирового океана – вовсе не таяние льдов Северного Ледовитого океана. Лёд, как известно, занимает больший объём, чем вода в жидкой фазе, так что от таяния плавающего льда никакого подъёма уровня произойти не может. Подъём уровня происходит от таяния материковых льдов Антарктики и Гренландии. После этих комментариев убийственно звучит следующее за приведёнными цитатами утверждение:

«Гипотетически можно предположить, что такое бедствие сделает проект переброса части, и немалой, речного стока безальтернативным решением». Воздержимся от выдвижения собственных «гипотетических предположений».

С. 28, как начальная для главы, занимает, на самом деле, 2/3 страницы, но ресурс удивления, вызываемого этим совсем коротким текстом, ещё не исчерпан. Последняя фраза: «Парадокс в том, что вероятный подъём уровня Мирового океана не насытит пресной водой жаждущих её пустынь и не превратит их не только в болота, как иногда представляется, но и в оазисы». Чего только ни приходилось читать о подъёме уровня Мирового океана, но никогда не попадались мне «представления» о том, что это «насытит пресной водой жаждущих её пустынь»! Где мэр нашёл в океане пресную воду, вообразить не могу.

На с. 96 мэр возвращается к глобальным проблемам, которые можно решить посредством Сибирской переброски. Вопрос он, в своей манере, ставит ребром: «Способны ли мы делиться драгоценной влагой? ...Или нам удобнее на глазах у жаждущих сливать огромные массы воды в Северный Ледовитый океан?» Эта же конструктивная мысль (видимо, не случайно вылетевший воробей) повторена на с. 108: «необходимо спасение пресной воды от бессмысленного слива в океаны» (шрифтовое выделение – из источника). Значение речного стока в океан для глобальной экосистемы, для глобального гидрологического цикла мэра, очевидно не интересует. Приведённые слова, надо полагать, – предложение конкретного способа реализации ранее цитированного призыва «толково, бережно к природе (и это необходимое и неотменимое экологическое условие) распорядиться грандиозным богатством страны – пресной водой» (с. 25). Какое там равновесие, какое регулирование? Как говорили при товарище Сталине, «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее (силой. – В. Д.-Д.) – наша задача», а что, когда и кому расхлёбывать – вообще не вопрос. Ведь «всегда всё выравнивалось», причём «уже через сравнительно небольшой промежуток времени».

Как уже отмечалось, одно из любимых занятий мэра – петь осанну советским временам и порядкам. Вот он вспоминает о том, сколько водохранилищ было построено в СССР и продолжает: «Они позволили резко улучшить окружающую среду...» (с. 65). Очень неэкологично это звучит. Во-первых, всё «резкое» для окружающей среды и, прежде всего, для экосистем нежелательно. Во-вторых, кому неизвестно, что гидростроительство, за редчайшими исключениями, наряду с положительными

последствиями несёт и отрицательные? Понять соотношение тех и других – главная проблема принятия решений о новом гидростроительстве. Мэр, видимо, предпочитает негативные последствия просто игнорировать.

Но главный вопрос, который хочется задать по поводу описания водохозяйственного рая в советские времена на с. 65, состоит в другом. Почему в этом водохозяйственном раю советское сельское хозяйство не смогло накормить советский народ? Почему оно оказалось неконкурентоспособным? Причины глубоки и многообразны, но одна из самых существенных – советское сельское хозяйство ориентировалось преимущественно на экстенсивные факторы развития, в том числе – на экстенсивное использование водных ресурсов. Мэр иногда пытается спрятать свои экстенсивные интенции, но не получается, так или иначе они выпирают из многих «углов» его книги.

Сегодня мэр пытается навязать свои экстенсивные рецепты республикам Центральной Азии. Он возражает против использования самого передового способа гидромелиорации – капельного орошения. Анализ с. 117–118 приводит к заключению, что главный и неисправимый недостаток этой технологии состоит в том, что её рекомендуют американские разработчики программ водопользования для Центральной Азии. Но, помилуйте, именно этот способ решения проблемы дефицита воды рекомендовали и советские учёные в те самые 1980-е годы, когда никому из американцев и в голову не приходило что-либо разрабатывать для Центральной Азии! Кстати, американцам нравится не только капельное орошение, но и биотехнологии, нанотехнологии, освоение космоса, суперкомпьютеры и информационные технологии, ультрасовременные средства связи и т.д. Может быть, по этой причине нам надо отказаться от всего этого подобно тому, как мэр предлагает отказаться от капельного орошения?

Могу дать конкретную ссылку на директивный (как тогда говорили) документ. В СССР разрабатывалась (трижды, для разных периодов) Комплексная программа научно-технического прогресса (КП НТП). В ней было 30–40 томов, разумеется, под грифом, и для каждого тома существовал свой научный совет, руководивший работой над соответствующим томом. Был и том «Природные ресурсы СССР», председателем соответствующего научного совета был ныне покойный академик М.И. Агошков, директор Института комплексного освоения недр АН СССР, а его первым заместителем –

автор этих строк. Михаил Иванович внимательно следил за минеральными ресурсами, а курировать остальные поручил мне.

Так вот, в КП НТП на период 1985–2005 годов (последняя из разработанных и утвержденных Советом Министров СССР) было два варианта для водного хозяйства: один – подготовленный сторонниками перебросок и экстенсивного развития водного хозяйства, второй – разработанный под моим руководством, ориентированный на интенсификацию водопотребления, т.е. на экономию воды и повышение эффективности её использования на базе достижений научно-технического прогресса (в полном соответствии с целями всей программы). За три цикла разработки КП НТП (порядка 100 томов) это был единственный случай, когда в окончательный текст вошли два альтернативных варианта.

В те годы мэр не интересовался водными проблемами и об их освещении в КП НТП вряд ли знает. Но вернёмся к капельному орошению. Отметив, что «В мире из 230 млн га орошаемых земель капельным способом поливается 1,5–2 процента» (с. 127), мэр пишет: «Представить себе, что государства Центральной Азии возьмутся перевести имеющиеся здесь 8 млн га на капельный способ – это не просто утопия, скорее намеренное заблуждение» (там же). Да, не утопия, а неизбежность, и чем скорее это будет понято, тем лучше для республик Центральной Азии. Такой «перевод» состоится везде, где имеется орошаемое земледелие, а вода – в дефиците.

То, что сегодня капельный способ применяют лишь на 2% (на самом деле, уже больше) орошаемых земель, – не аргумент, это значит, что процесс «перевода» находится в самом начале. По историческим меркам совсем недавно изобрели водопровод и канализацию. Каких-нибудь полтора века назад центральным отоплением, например, не пользовался и 1% населения. А «возраст» мобильных телефонов – всего лишь четверть века. Да и вообще: не кажется ли мэру, что он выступает против научно-технического прогресса? Не пора ли узбекскому дехканину предоставить для гидромелиорации что-нибудь помимо арыка? Ведь «у народов Центральной Азии есть всё – тепло, богатые недра, рабочие руки. Единственное, чего им не хватает, – воды» (с. 82). Так не следует ли, наконец, всерьёз заняться её экономией на основе достижений научно-технического прогресса?

Впрочем, на с. 134 вдруг оказывается, что мэр не против капельного орошения! «Он (пилотный проект. – В. Д.-Д.) мог бы предусматривать систему технологий не только

подачи воды, но и её рачительного использования (дождевания, капельного орошения, повторного применения воды после очистки (это называется рециклированием. – В. Д.-Д.), установки счётчиков у потребителей (когда же, наконец, их установят во всех московских квартирах? – В. Д.-Д.) и других методов, применяемых в фермерских хозяйствах в условиях рыночной экономики». Замечательно! Вот только зачем тогда «переброс»? 130 куб. км своей центральноазиатской воды в год и без него будет вполне достаточно (но дождевание в этом регионе все же лучше не применять, в здешних условиях его водный к.п.д. по крайней мере в три раза ниже, чем у подземного капельного орошения).

О том, что великий «переброс» консервирует не только сырьевую ориентацию российской экономики, но и тормозит её переход к инновационному развитию, говорили и писали десятки раз. Что надо развивать для реализации этого проекта? Производство тяжёлой строительной техники – экскаваторов, бульдозеров и пр. Теперь целый завод (может быть, и не один) пришлось бы построить для удовлетворения потребности стройки в таких машинах. Вряд ли это способствовало бы научно-технической реструктуризации экономики. А чем были бы заняты массы людей на этой стройке? – Малоквалифицированным тяжёлым трудом, совершенно не способствующим индивидуальному развитию, не соответствующим по своему характеру современной экономике знаний. А как жили бы строители канала со своими семьями вдоль его трассы длиной 2550 км? Уж, конечно, не в элитных московских квартирах, условия их обитания не способствовали бы социальному прогрессу. Вся затея настолько не соответствует духу современности, настолько отдаёт эпохой ранней индустриализации, от которой далеко ушло человечество, что подчас даже теряешься: как сегодня на таком проекте можно настаивать?

Если не понимая, то, по крайней мере, подозревая, что все аргументы в пользу «переброса» – отнюдь не козыри и побить их можно без всякого труда, мэр привлекает исторические, мифологические и поэтические средства для убеждения читателя.

Всем гидрологам прекрасно известно, что когда-то Амударья впадала в Каспий; «...текла тут большая река, которая давала жизнь всему живому. И был этот край богат и плодороден», говорит легенда (с. 113). «Но потом затворил Аллах воды. И только от Него зависит, когда вернётся Великая Река». Прекрасно, но мы сейчас занимаемся не анализом художественного произведения, а прозаическим исследованием проекта «переброса» и

смежных проблем. Оттого что Амударья изменила русло, водный баланс региона Центральной Азии практически не изменился. Там, где река протекала раньше, вода исчезла. Но зато там, где она стала протекать, вода – практически в том же количестве! – появилась. В древности площади орошаемых земель в Центральной Азии были, вероятно, даже больше, чем теперь. Но эта благодать кончилась не потому, что «затворил Аллах воды», а в силу тех же ошибок в мелиорации, которые привели к исчезновению цивилизации в Месопотамии и образованию Сахары. Водное изобилие прекратилось, может быть, и по воле Аллаха, но при этом Он не прилагал собственных усилий, хватало стараний древних мелиораторов.

А вот ещё один рассказ. Петру Первому сообщили, что «река Амударья когда-то впадала в Каспий (с. 115). «Так почему, государь, не осуществить “поворот рек”, чтобы восстановить путь в Индию? Для этого надо лишь отыскать всё старое русло и затворить новое». Посочувствуем Петру, никудышные ему попались географы, если полагали, что через Амударью можно задёшево добраться до Индии. (Андрей Платонов гениально описал в рассказе «Епифанские шлюзы» и некоторые другие гидротехнические затеи того времени; почему-то мэр не вспоминает об этом произведении.) Но нам-то такой путь в Индию заведомо не нужен. Так что же именно, в соответствии с этими сказками, мэр собирается «отворять» или «затворять»? Ведь никакой Оби, никакой Сибири там и в помине быть не могло!

Но вернёмся в наши времена. В книге описаны конфликты между, с одной стороны, Киргизией и Таджикистаном, расположенными в верхних частях бассейнов Сырдарьи и Амударьи, и, с другой стороны, Узбекистаном и Казахстаном, расположенными в нижних частях. Первые заинтересованы в основном в производстве гидроэнергии, т.е. равномерном срабатывании водохранилищ в течение года, вторые – в орошении, для которого надо накапливать воду зимой, а подавать на поля в вегетационный период. «В советские времена всё было просто», пишет мэр на с. 119, все спорные вопросы решались «по команде из Москвы». Но «с распадом СССР... все диспропорции сразу же вылезли наружу».

«Нельзя не отдать должное руководителям центральноазиатских государств. Понимая, чем грозит их народам отсутствие координации в водных делах, они сразу после распада СССР в начале 1982 года собрались, чтобы решить, что делать» (с. 120–121). Во-первых, не в 1982, а в 1992 году это было, и не в начале года, а, помнится, в середине. Во-

вторых, российская делегация (на правах наблюдателя) в составе вице-премьера Г.С. Хижи, председателя Роскомвода Н.Н.Михеева и автора этих строк (тогда – министра охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации) принимала участие в том совещании. Между прочим, никто из представителей центральноазиатских государств и не заикнулся о переброске. Похоже, что и сегодня они, если даже касаются этого вопроса, то как бы не по собственной инициативе. Но, конечно, они не отказываются, когда их провоцируют к положительному ответу, спрашивая: «Хотите получить обскую воду?» Вот мэр цитирует Н. Назарбаева: «Недавно мы вели очень серьёзный разговор с российскими учеными, которые сами поднимают этот вопрос». Вот именно – сами. Только что за учёные беседовали с президентом Казахстана?

«Была создана Межгосударственная комиссия...» (с. 121) и т.д., но толку от всего этого мало. «А поскольку теперь нет “старшего брата”, который может стукнуть кулаком по столу, то бывают конфликты, иногда мелкие, а иногда крупные, вплоть до политических» (там же). Вот так. Не скрывается ли за мечтами о «перебросе» тоска по утраченной роли «старшего брата»? Кстати, на с. 31 мэр написал: «После большевистской революции изменился дух страны: на восточные народы стали смотреть как на братьев». Такая вот тоска по братству с кулаком по столу, а пожалуй, и не только по нему. Но тоска неизбежная. Какое это, видимо, ни с чем не сравнимое удовольствие: стучать кулаком по столу! Обидела меня судьба – не пришлось мне его испытать.

На самом деле вопрос о политических и неполитических играх вокруг транзита ресурсов, как выяснилось в последние годы, исключительно важен. Не может ли случиться повторение газовой схемы Россия – Украина – Европа в водном варианте Россия – Казахстан – Узбекистан в случае полномасштабной реализации великого проекта? Это называется «за что боролись, на то и напоролись». Да и о других вполне возможных политических рисках следовало бы думать, прежде чем пытаться реанимировать идею «переброса».

Конечно, мэр не может не понимать многих рисков, угроз, опасностей этой затеи. Думается, в какой-то степени он стал уже заложником собственной не к месту и не ко времени проявленной в 2002 году инициативы. Выше уже было отмечено, как изменился тон его размышлений на с. 131–133 при неожиданном переходе от канала на 27,2 куб. км воды в год к водопроводу в Астану на 4 куб. км. Дальше – больше (т.е. меньше). На с. 136 начинаются рассуждения о Курганской и Челябинской областях, юге Тюменской и

востоке Оренбургской областей. «Эта часть – сугубо наше, российское дело, на нашей земле, и уж тут никто не вправе нас ни в чём упрекнуть». Простите, мало ли каких глупостей можно наделать в качестве своего, «российского дела, на нашей земле» – деньги считать надо и сопоставлять с альтернативными способами их потратить на благо того самого этноса, о котором печётся мэр (а вовсе не ради сомнительных собственных капиталов), учитывать надо экологические, социальные и прочие ограничения, политические риски и многое другое.

А что касается упомянутых регионов России, то в настоящее время там работает не более 25 % оросительных систем, построенных к 1990-м годам. Не из-за отсутствия воды (все эти системы обеспечены местной водой без всяких «перебросов»), а потому, что сельское хозяйство развалилось, работать некому, производство сельскохозяйственной продукции в сложившихся условиях (внешних и внутренних) неконкурентоспособно, государство перестало поддерживать агропромышленный комплекс, гидротехнические сооружения пришли в упадок без необходимого ремонта и соблюдения правил эксплуатации. Не заняться ли для начала просто восстановлением того, что раньше реально работало?

Напрашивается сравнение с печально знаменитой советской программой «Нечерноземье», выполняя которую активно занимались осушением заболоченных земель. Но при освоении каждого гектара осушенной земли, как оказалось, приходилось забрасывать по крайней мере один гектар земли, ранее возделывавшейся: не было свободных рабочих рук, техники и пр. для вновь вводимых земель, приходилось заниматься высвобождением таких ресурсов с помощью перевода пашни в залежь.

Со с. 137 мэр начинает рассматривать проблемы водоснабжения Кургана, восстановления Пресновского водопровода как водопроводостроитель, старательно уходя от гигантомании. Но вот вопрос: в Кургане, как и (по с. 136) в Челябинске, Тюмени, Оренбурге думать об этом некому? Нет специалистов? Но, как будто, и московский мэр не специалист по городам, не являющимся мегаполисами. Это – с одной стороны. А с другой стороны, ведь не вникают мэры и губернаторы тех мест в острейшие московские проблемы – что делать с твёрдыми бытовыми отходами, автомобильными пробками, как обеспечить в Москве качество воздуха, сравнимое с европейскими столицами (а не с Пекином, Каиром, Мехико и т.д.)? Может быть, московскому мэру сначала решить эти проблемы, и только потом обратить свои взоры на «переброс»?

Подведём итоги. Затея с реанимацией Сибирской переброски в том виде, как она изложена в книге «Вода и мир», разработана совершенно некомпетентно. Текст книги, при внимательном его рассмотрении, выглядит, скорее, как набор аргументов против «переброса», нежели в качестве обоснования его целесообразности. Удивительно, что рассуждения о необходимости великих проектов для возрождения России написаны так, как если бы кроме этой переброски никаких других великих проектов нет и никогда быть не может, так что и выбора у нас не имеется: отказ от неё равносителен если не полной гибели, то, во всяком случае, деградации государства российского. На самом деле как раз наоборот: попытка реализовать эту затею загробит российскую экономику, обескровит её, приведёт к замедлению, если не полной остановке процесса её структурного обновления на основе научно-технических инноваций и пр.

А какое отношение ко всему этому имеет корабль пустыни с рогами? Очень просто: посмотрите на картинку, воспроизводимую из книги «Вода и мир» с соответствующей подрисуночной подписью (в книге она размещается в буклете иллюстраций, вклеенном между страницами 112 и 113), эти корабли там представлены целым стадом. К нижней картинке подмонтированы два верблюда около корабля, оказавшегося на суше благодаря усилиям неумеренных мелиораторов, но главная часть иллюстрации как нельзя более соответствует названию данной рецензии.